

Фэн Жуй без сил произнес:

— Не трогай меня. В этой жизни мне остается быть только с тобой.

Его прошлой жизни, должно быть, слишком всё шло гладко, так что он растратил всю свою фортуна. Поэтому теперь он может только стать личным слугой и помощником этого глупого простого рабочего.

Когда через семьдесят-восемьдесят лет Цю Минцюань умрет своей смертью, ему тоже придется последовать за ним в крематорий....

Президент Фэн, который только что завидовал самому себе, вновь начал предаваться самобичеванию.

Лучше бы ударила молния и расколола эту нефритовую подвеску, может, тогда он смог бы раньше переродиться, — с ненавистью подумал он.

Именно в этот момент Цю Минцюань вдруг удивленно воскликнул:

— Эй, только что всё было хорошо, откуда вдруг...?

Внезапно поднялся сильный ветер, ясное небо, еще бывшее днем, мгновенно затянули тучи, и всё погрузилось во мрак.

Серебристая молния, словно разъяренный дракон, сверкнула в вышине, извиваясь, как олени рога или сухие сучья, и ударила прямо перед ними! В огромное дерево впереди ударила молния, и с треском оборвалась и упала мощная ветка.

Только что проклинавший небеса президент вдруг замолчал.

Едрить твою... в его сердце хлынул поток проклятий, подобный селевому потоку.

Ладно, ничего не скажу. Сказал бы больше — одни слезы!

В этом мире, где души бессмертны, возможны перерождение и искажение времени, он теперь ни капли не сомневался, что если еще хоть раз пожалуется на небеса, они без церемоний ударят его молнией.

— Он не хочет умирать!

Даже если это всего лишь остаточная душа, он хочет жить!

...

— Давай скорее домой, как следует обсудим, что будем делать дальше! Нас ждет еще столько интересного!

Цю Минцюань отозвался, смутно чувствуя, что президент Фэн не только вернулся в прежнее состояние, но, кажется, стал еще более активным и полным жизненных сил?

Вокруг постепенно начали падать снежинки. Зимой темнеет рано, только что скрылся последний луч заката, а теперь уже кружились снежинки, и всё вокруг погрузилось в сумерки.

В последнем автобусе почти не было народу, кроме одинокого Цю Минцюаня с поношенным

ранцем за плечами, держащего в руках новую одежду для бабушки и бабушки, купленную утром в торговом центре «Бутик». В салоне было лишь двое-три пассажира.

Цю Минцюань сел на самое последнее сиденье и молча смотрел в окно. За окном мелькали неясные деревья, а снежинки становились всё крупнее.

На нем был старый, не по размеру ватник, который висел мешком, а вкусная маленькая вонтон, которую он съел утром, уже давно переварилась без следа.

Ему полагалось бы мерзнуть и голодать, но в сердце Цю Минцюана царил удивительное спокойствие. Поглаживая нефрит, он чувствовал, как в груди разливается тепло, словно там пылает живой огонь.

А привыкший отдавать приказы президент Фэн, о чем-то задумавшись, тоже хранил молчание.

Глядя глазами Цю Минцюана, он увидел в стекле автобуса пару чистых, но немного одиноких глаз.

Сердце Фэн Жуя дрогнуло. Он... боится.

Он боится своего ухода, так же, как боится, что Цю Минцюань бросит его.

В этот момент черствый и расчетливый президент вдруг почувствовал неудобство, и в сердце поднялось чувство, похожее на то, когда двое держатся друг за друга, чтобы выжить.

— Спи, когда доедем, я тебя разбужу, — Фэн Жуй сказал это с редкой нежностью.

Цю Минцюань отозвался и положил половину лица на стекло.

В дреме, чувствуя ледяное стекло щекой, Цю Минцюань вдруг резко выпрямился и сел прямо на сиденье!

Тот мальчик, который так сильно его ударил!.. Те красивые, но свирепые фениксовы глаза, лицо, изящное, как у девчонки!

В голове у Цю Минцюана вдруг вспыхнул фрагмент памяти, и он с потрясением воскликнул:

— Тот мальчик, который был с тобой... это...?

Это был тот самый мужчина, который на крыше в прошлой жизни боролся с Фэн Жуем!

В больнице он рыдал и умолял врачей...

— Да, это он! Взрослое лицо почти не изменилось, черты все еще можно узнать!

— Наконец-то вспомнил? — спокойно сказал Фэн Жуй. — Да, это он.

Что именно произошло в прошлом между Фэн Жуем и тем мужчиной, после перерождения Фэн Жуй не упоминал, а Цю Минцюаню было неловко об этом спрашивать.

Но сегодня он больше не смог удержаться.

— Кто этот человек? Вы потом стали врагами? — Цю Минцюань вымученно спросил, а в конце добавил:

— Зачем он тебя убил?

— О чем ты говоришь? — удивился Фэн Жуй. — Какой «зачем он тебя убил»?

— Я... я не слышал, как было в начале, — Цю Минцюань почесал голову. — Разве он не столкнул тебя вниз?

— Хватит фантазировать, никто меня не сталкивал. К тому же, это к тебе не относится, — холодно ответил Фэн Жуй.

Цю Минцюаня перебило, он долго молчал, а потом с обидой пробормотал:

— Как это не мое дело? Я-то умер из-за вас двоих, да и сегодня он мне вцепил!

Он потрогал щеку — она по-прежнему была опухшей, а в носу засохли сгустки крови.

Когда Цю Минцюань уже подумал, что тот решил промолчать, Фэн Жуй медленно заговорил, в голосе слышалась усталость:

— Его зовут Сян Чэн, мой друг детства, сын близкого друга нашей семьи, мы с малых лет жили рядом, были соседями.

Он помолчал, а потом продолжил:

— У дяди Сяна была только дочь, а раньше был мальчик, но он умер в младенчестве. Сян Чэн — приемный сын дяди Сяна.

— А... как и я, приемный? — спросил Цю Минцюань.

Фэн Жуй с презрением усмехнулся:

— Ха, как ты? Ему повезло куда больше.

Цю Минцюань умолк. Тоже верно, его удочерила такая хорошая семья, с чего ему сравниваться?

— Дядя Сян служил в полиции, в молодости был на передовой в борьбе с наркотиками, у него был очень близкий товарищ. В то время в больших городах наркотики только начали распространяться, и у многих наркополицейских еще не было опыта защиты своих семей. После того как они арестовали одну наркогруппировку, оставшиеся приспешники, загнанные в угол, решили отомстить и похитили жену дяди Сяна и его новорожденного сына.

— А! — Цю Минцюань ахнул.

— Тот товарищ, чтобы спасти заложников, вступил в смертельную схватку с несколькими наркодилерами, в одиночку проник в логово зверей и погиб, — голос Фэн Жуйя стал тяжким. — Жену дяди Сяна спасли, но новорожденного сына убили обезумевшие наркоторговцы.

Цю Минцюань слушал, оцепенев, в сердце поднималась кислая, больная тяжесть.

Как же мучительно было той матери, видеть на своих глазах смерть ребенка?...

— Тот товарищ и дядя Сян были закадычными друзьями, и раз он погиб из-за этого, дядя Сян, конечно, взял на себя обязательство воспитать ребенка, каждый год отправляя вдове и сироте

большие суммы на жизнь. Но когда Сян Чэн подрос до трех-четырёх лет, его мать внезапно заболела и скончалась.

— А, и правда жалко... — вздохнул Цю Минцюань.

— Как только дядя Сян услышал об этом, он тотчас поехал в деревню, вывез сироту из деревни и официально оформил усыновление, — спокойно рассказывал Фэн Жуй.

— Так Сян Чэн стал членом семьи Сян. Моя мама и жена дяди Сяна были подругами, поэтому мы с детства росли вместе, — голос Фэн Жуйя становился всё тише, он погрузился в воспоминания о раннем детстве, в которых сквозила легкая печаль.

— Понятно, значит, ты с Сян Чэном были очень близки, — Цю Минцюань вдруг понял.

Фэн Жуй горько усмехнулся, но ничего не ответил.

Да, в детстве они были слишком близки, поэтому он всегда считал Сян Чэна младшим братом, дружкой, и никогда не замечал странных мыслей Сян Чэна и его одержимости.

«Я зову тебя братом, но ты мне не родной брат!» — перед глазами возник образ Сян Чэна, кричащего эти слова, в глазах полные отчаяния и печали.

— А потом, из-за чего вы поссорились? — слова Цю Минцюана окончательно вернули Фэн Жуйя в реальность.

Фэн Жуй безразлично ответил:

— Между нами... это было дело чувств.

— А! Вы любили одну и ту же женщину? — вырвалось у Цю Минцюаня.

Дело чувств, два мужчины посреди ночи на крыше ссорятся, если не из-за женщины, то из-за чего?

... Фэн Жуй в ярости крикнул:

— Заткнись! У тебя в голове только одна извилина!

С пересадками добравшись до пригорода, было уже около семи-восьми вечера.

Вблизи деревни дорога все еще была грунтовой, и в дождь или снег тут неизбежно была грязь.

<http://bllate.org/book/16729/1538483>